

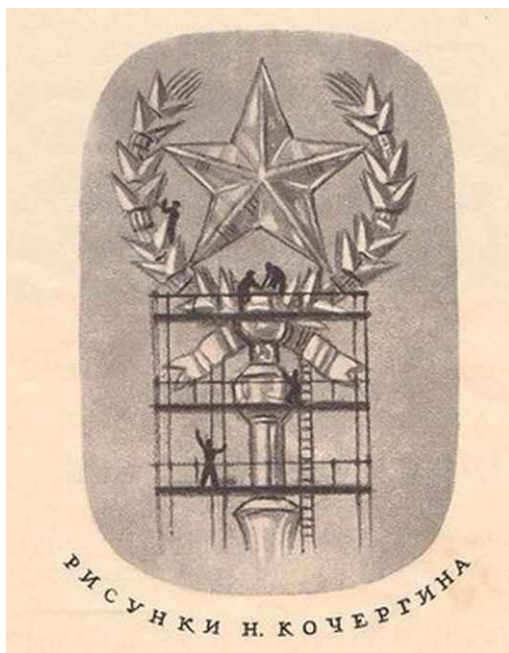
ГЕОРГИЙ ГУЛИА
ЗНАМЕНИТЫЕ
УЛИЦЫ

ДЕТГИЗ 1983

ГЕОРГИЙ ГУЛИА

ЗНАМЕНИТЫЕ УЛИЦЫ

Сказки-были

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
Москва 1953 Ленинград

ЗНАМЕНИТЫЕ УЛИЦЫ

В большом и древнем городе Москве немало улиц, которым сотни лет. Но есть и такие улицы, что Пете и Мите ровесники...

А вы с Петей и Митей, случайно, не знакомы?

Петя и Митя — два друга. Мите семь лет. Столько же и Пете. Очень бы им хотелось, чтобы их величали Петром и Дмитрием, но, разумеется, никто не желает воздавать малышам такой почёт, прежде чем они вырастут.

Петя живёт на улице, которой все пятьсот лет, а может быть, и больше. А Митиной улице всего-навсего пять без малого.

Два друга, особенно Петя, — большие спорщики. Как заспорят — конца нет перепалке.

Заговорили они как-то о своих улицах: о той, которой пятьсот лет, и о той, которой пять без малого.

— Ты не смотри, — говорит Петя, — что моя улица узенькая, что не ездят по ней большие машины. Моей улице, — говорит, — полтыщи лет, и по ней сам Пётр Великий ходил.

Митя от волнения глотает слюну и спрашивает:

А кто сказал, что ей полтыщи?

— Все об этом знают! И папа тоже, — отвечает Петя. — Один художник всё нашу улицу рисует. Старая Москва, говорит, полтыщи лет, говорит, узенькая, говорит...

Что делать Мите? Не может же он свою улицу старше сделать! Все помнят, как совсем ещё недавно пришли на пустырь люди и привезли с собой машины, подъёмные краны, катки. Все видели, как рабочие строили дома, как прокладывали улицы и заливали их асфальтом. А чтобы летом было прохладнее — понасажали лип по обеим сторонам большой и ровной улицы. Открылись на этой улице огромные магазины, зажглись фонари — и Митина улица стала очень красивой, можно сказать знаменитой во всей Москве.

Всё это известно Пете. Но что ни скажет Митя—Петя всё поперёк.

— Нет, — говорит Петя, — самая знаменитая улица моя.

— Она узенькая, — говорит Митя.

— Зато ей полтыщи лет, — говорит Петя.

— Вся в булыжнике она, — говорит Митя.

— А к нам на улицу художники ходят, — говорит Петя, — и все её рисуют, потому что знаменитая.

Верно, ходили на Петину улицу художники. Однажды Митя сам, собственными глазами видел, как на складном стуле бородатый человек сидел и на холсте масляными

красками писал. Митя не вытерпел и говорит художнику:

Дяденька, а на мою улицу вы придёте?

— На твою? — спрашивает художник. — А где она, твоя улица?

— Рядышком совсем и совсем новая, — отвечает Митя. Но художник в ответ — ни слова!

Петя обрадовался тому, что художник промолчал, а Митя, напротив, опечалился: обидно ему за свою улицу, где так много света и воздуха, зелени и высоких домов...

Но как-то весною явились люди на древнюю Петину улицу и повезли разных машин.

Живо разворотили они всю улицу. И вскоре выросли на ней большие дома, а вместо булыжной мостовой появился гладкий асфальт. А прямо из чащи перекочевали сюда липы, и зажглись над ними высокие фонари.

Маленький дом, в котором жил Петя, снесли. Петя с мамой и папой переехали в новый, на пятый этаж. Очень полюбилась Пете новая улица, и не жаль было ему прежней — булыжной и узкой.

Казалось бы, нечего теперь и перечить Мите и споры об улицах с ним заводить. Но недаром слыл Петя заядлым спорщиком. Вот он и говорит:

— Где твоей улице с моей равняться! Моей улице, — говорит, — и лет полтыщи и красивая очень...

Петина улица на самом деле красавицей стала. „Теперь и Митя согласен, — думает про себя Петя, — что улица моя — знаменитая во всей Москве“.

— А ещё, — говорит Петя, — на моём этаже инженер один живёт. Он самолёты строит, и только быстролётные!

Митя не растерялся, у него тоже было чем похвастать. Недалеко, в угловом доме, поселился токарь, известный на всю страну. Митя сам токаря видел и даже с его маленьким сыном познакомился.

И с этого самого дня мальчики заспорили пуще прежнего: дескать, чья улица известными людьми богаче, та и есть наизнаменитая.

Петя говорит:

— На моей улице живут академик и вратарь футбольной команды.

А Митя говорит:

— На моей — чемпион-конькобежец и певец.

Петя почёсывает лоб, своих соседей припоминает.

— Певец, — продолжает Митя, — на всю страну поёт. Все его слушают, и все его знают.

Всё спорили да спорили Петя и Митя, а решить, чья улица знаменитей, так и не могли...

А я бы этот вопрос разрешил вот как: моя улица знаменитей!

И я тоже буду прав. Вы бы только посмотрели, какая она, моя-то улица!

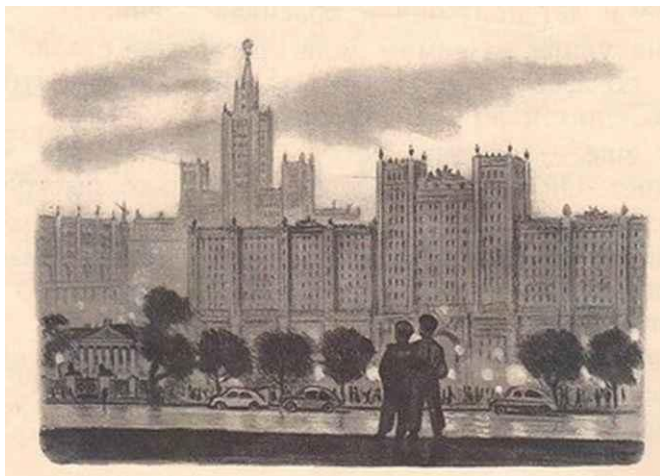
На ней тоже дома все новые и большие, на ней тоже известные люди живут.

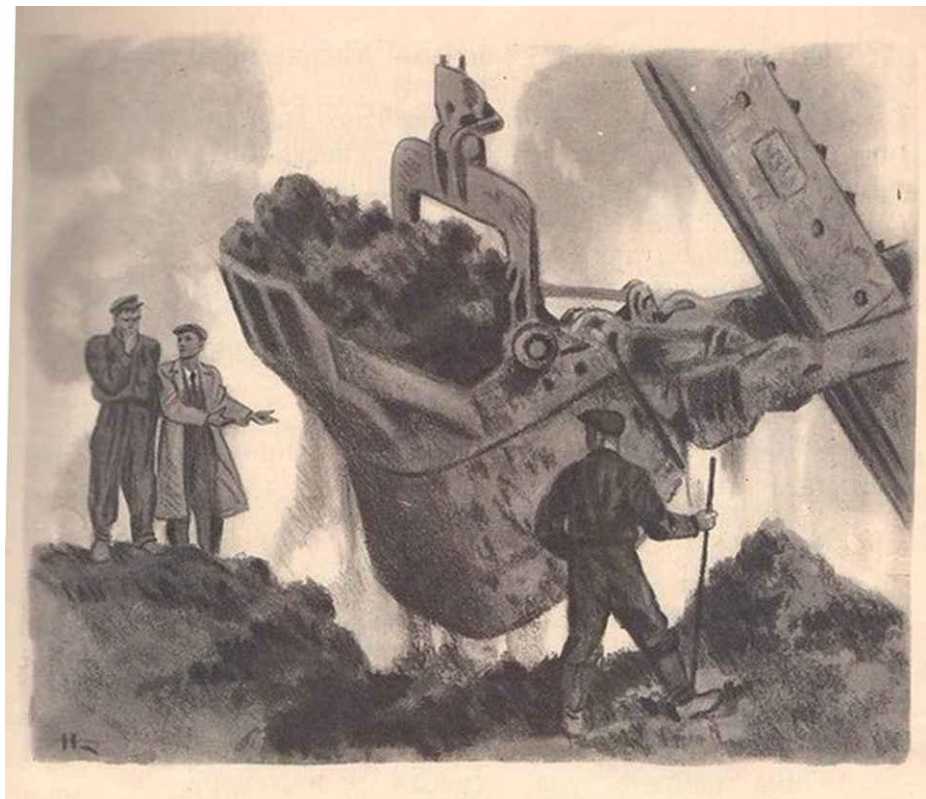
Впрочем, каждый из нас будет прав, если скажет:

— И моя улица не хуже! И моя знаменитая!

В самом деле, мало ли в Москве больших и красивых улиц и мало ли на каждой из них людей известных! Знаменитые люди их строят, людьми же они и знамениты.

Я думаю, что Петя и Митя сойдутся на этом и больше спорить об улицах не будут.

ЧУДО ЗЕМЛЕКОПА НИКИТЫ

Этот рассказ называется именно так: „Чудо землекопа Никиты“.

„Позвольте, — возразите вы, — ведь чудес-то на свете не бывает. Это каждому ребёнку известно“.

Верно, не бывает, а тут возьми да и случись чудо!

Словом, я предлагаю так: сначала послушайте меня, а потом уж будем спорить...

Так вот где приключилось это чудо: в Москве, в молодом городском районе, который называется Соколом. Район

этот сплошь застраивается новыми высокими домами, украшается ровными улицами.

Пришлось в этом районе меж двух высоких белокаменных домов рыть котлован, чтобы снести большой земляной горб и устроить удобный проезд. Но котлован, разумеется, котловану рознь. Наш котлован был особенный — узкий, длинный, для работы неудобный.

Инженер — высокий, худой мужчина в белом пыльнике — сказал технику так:

— Товарищ Смирнов, в нашем котловане будет пятьдесят тысяч кубических метров земли...

— Пятьдесят три, Пётр Иванович.

— Верно, пятьдесят три... А ваша машина копает в год пятьдесят тысяч.

— Не больше, Пётр Иванович.

Инженер что-то подсчитал в уме.

— Вам тут не поставить другой машины, — сказал он технику, — места не хватит для двух.

— Верно, не хватит, — согласился техник.

— А задание такое, — сказал инженер: — выкопать котлован за полгода!

Техник развёл руками.

— Вы требуете чуда, сказал он инженеру.

— Возможно, — ответил инженер.

И техник, точно так же, как и вы, возразил:

— Позвольте, Пётр Иванович, ведь чудес-то на свете не бывает. Это каждому ребёнку известно.

Инженер улыбнулся, а сказать так ничего и не сказал. Да что ему было говорить: не пойдёшь же против арифметики! Арифметика же, как видите, требует года для рытья одной машиной. Года — и никак не меньше!

Но задание есть задание, и его надо выполнять. К тому же инженер улыбнулся очень странно: дескать, пошевели умом, товарищ техник. Инженер очень надеялся на техника. Техник опытный, хотя годами молод, а главное, горазд на всякие выдумки.

Пошёл техник к себе в контору и вызвал Никиту Пан-

кова машиниста той самой машины-экскаватора. Никита тоже молод, среднего роста, мускулистый. В руках у него силища страшная — привык машиной управлять, вертеть машиной по своему желанию. А машина большая, размах—

нётся стальным хоботом, точно слон, копнёт землю и нет полкубометра!..

— Никита, — говорит техник, — в нашем котловане будет пятьдесят три тысячи кубических метров земли...

— Верно, пятьдесят три, — соглашается Никита.

— А машина копает в год всего пятьдесят тысяч...

— Верно!

— Становитесь, Никита, в забой, — говорит техник без дальних слов.

— Ладно, — отвечает Никита и напяливает картуз по самые брови.

Погодите, Никита, — ворчит техник. — Становитесь в забой, но котлован будьте добры выкопать в полгода. Поняли?

Никита смеётся.

— Это всё равно как в сказке, — отвечает Никита: — вот тебе гора — свороти её за ночь.

Никита, — говорит техник, — это очень важно: имен-но в полгода. Словом, подумайте.

И техник улыбнулся — он надеялся на Никиту. Никита — опытный экскаваторщик и тоже горазд на всякие выдумки...

Пошёл Никита к себе домой, всю ночь не гасил света, всю ночь размышлял над задачей, которую задали ему. А утром является он к технику.

Вот что, — говорит Никита. — Я всю ночь думал...

— И я тоже, — отвечает техник. — Рассказывайте, что придумали.

Техник внимательно выслушал Никиту, сказал коротко: „Молодец“, — и вместе с экскаваторщиком отправился к инженеру.

— Пётр Иванович, — говорит техник, — Никита обдумал своё предложение.

— И что же?

— Оно мне нравится.

— И я тоже думал, — сказал инженер. — Что ж, давайте обсудим ваше предложение.

Поговорили они, обдумали всё дело и пошли в кузницу. Попросили они кузнецов экскаваторный ковш переделать так, чтобы в нём вместо полукубометра земли помещался целый кубометр.

— С удовольствием! — сказали кузнецы. — А силёнок у вашей машины хватит?

— Вполне, — отвечает Никита.

— Как так? Ведь она заводская, а на заводе всё предусмотрено и рассчитано.

— Верно, — говорит Никита, — рассчитана машина на суглинок, а в моём котловане грунт песчаный. Песок-то копать легче!

— Ладно, — в один голос сказали кузнецы, — увеличим ковш вдвое.

— Да чтобы полегче весом...

— Уж мы постараемся, Никита.

Через неделю Никита поставил свою машину в забой. ...Экскаватор жадно захватывает землю и тут же грузит её на автомобили. Работает машина без передышки, и автомобили под ней так цепочкой и ходят: становятся пустые, а отправляются до отказа нагруженные.

Удивляются шофёры: выходит, грузят вдвое быстрее! Да что же это такое?

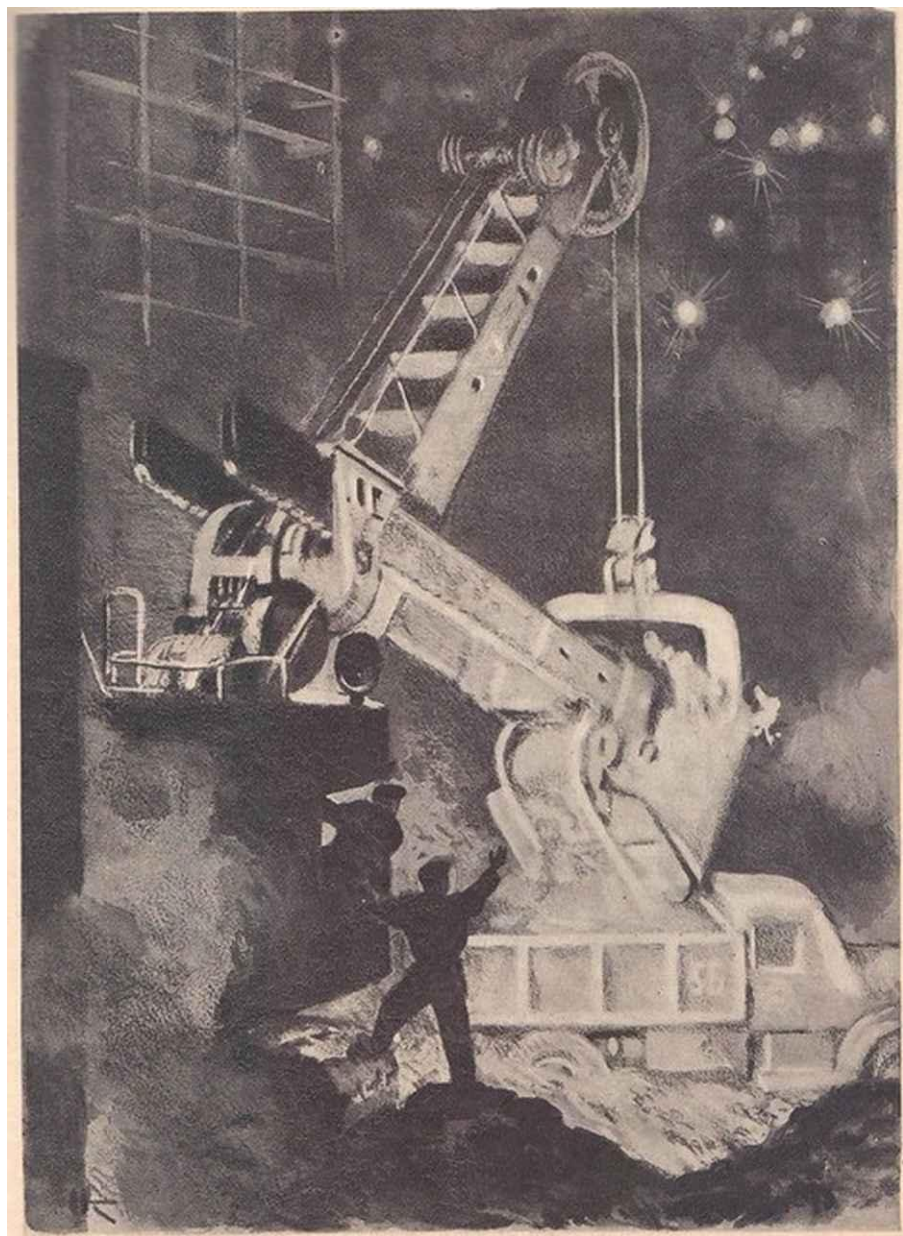
Поработал Никита десять дней — а землю выкопал за все двадцать, поработал он месяц — а задание выполнил двухмесячное. В чём же секрет?

Пришли поглядеть на Никиту и его диковинную машину экскаваторщики с соседних строек.

— В чём, — спрашивают, — секрет? Скажите нам, откуда такое чудо?

— Чудес не бывает, — говорит Никита, — а секрет простой.

Объяснил Никита, что и как было, рассказал о том как он за машиной ухаживает, как бережёт её.

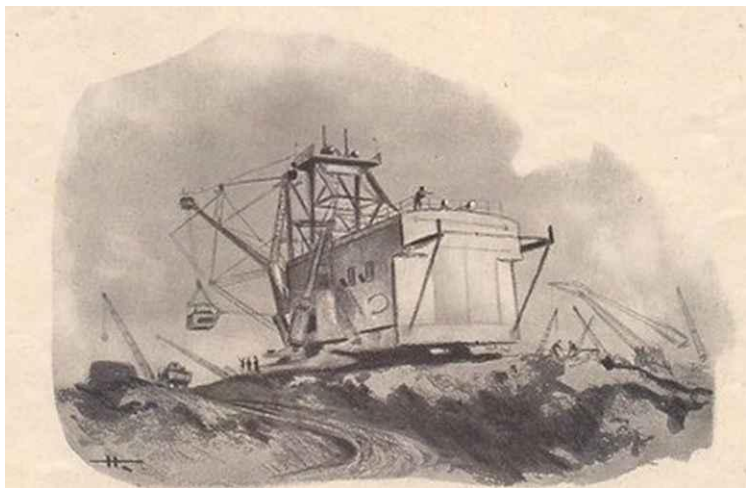

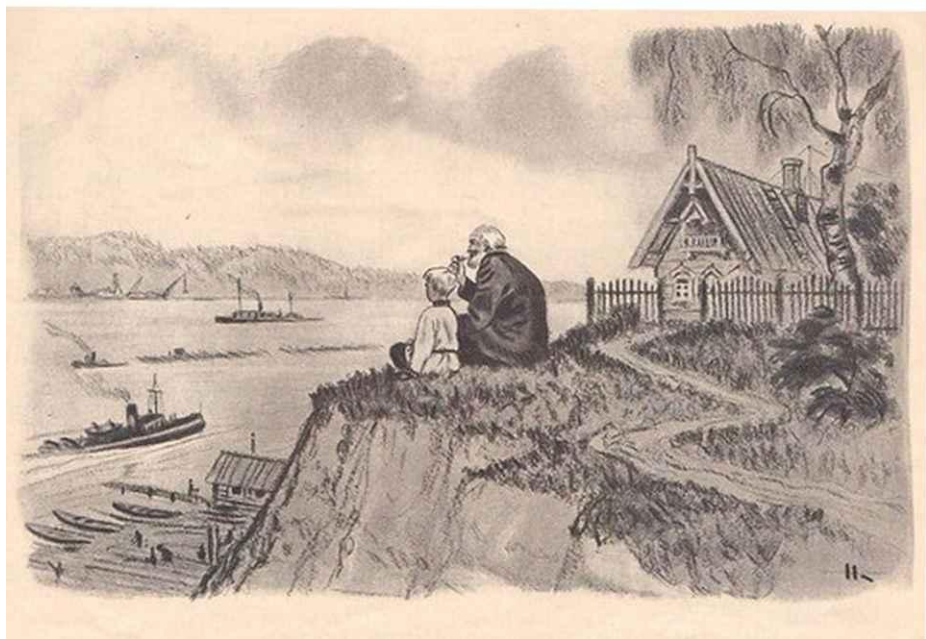
— Зря не теряю ни секунды, — заключил свой рассказ Никита.

— Хорошо! — сказали гости.

И слух о Никите разнёсся не только по всей Москве, а и по всей нашей необъятной Родине. Вдвое быстрее роют нынче котлованы — это, значит, быстрее растут города, лучше служат машины нашим советским людям...

А теперь сосчитайте, сколько гор своротили экскаватор-щики, которые работают так же, как и Никита Панков. Сосчитайте и согласитесь со мной: такие чудеса бывали прежде только в сказках.

КАК ВОЛГА В ГОСТИ ПРИШЛА

Есть деревня на Волге, называется она Отрада.

Отрадно побывать в этой деревне: и название, как видите, хорошее и сама деревня хороша. Избы тут стоят на высоком берегу, а внизу течёт Волга — и полноводна и величава.

Живёт в деревне Отрада мальчик по имени Миша, а иначе ещё — Михаил Панов.

Миша не большой и не очень маленький: шестой год пошёл. Он уже читает названия пароходов, которые вверх и вниз по Волге ходят, — благо буквищи огромные, покрупнее самого Михаила каждая. Но скоро научится он слова и помельче разбирать — те, что на баржах да небольших буксирах пишутся.

Изба Пановых окнами на реку глядит. Изба в зелёный цвет окрашена, резными наличниками отделана. А строил её сам Иван Захарович, дедушка Миши Панова.

Кто первый плотник в Отраде? Иван Захарович. Кто первый рыбак в Отраде? Иван Захарович. Недаром говорят о нём:

„Наш дедушка днём — с топором, а ночью с вёслами“.

Вот поди и угадай, когда спит Иван Захарович!

— Дедушка, — спрашивают его, — почему ночью не спишь?

— Волга не спит, — отвечает Иван Захарович, — и мне не велит.

— А как же днём?

— Днём солнце светит, всех соней метит.

Такой уж весёлый старик этот Иван Захарович...

И вот однажды в летний полдень дедушка и говорит своему Мише:

Видишь, Михаил, людей на берегу?

— Вижу, — говорит Миша.

— А столбик у нашей калитки видишь?

— Вижу.

Это они его поставили.

— А зачем?

— Чтобы воду обозначить.

Какую воду, дедушка?

Или не знаешь, Михаил, что Волга к нам в гости собралась?

Задумался Миша. Вот дедушка в гости ходит — это ясно. Коля в гости приходит к Мише — тоже ясно. Но чтобы Волга расхаживала — дело неслыханное! И Миша не поверил дедушке.

Но вот как-то утром просыпается Миша, зевает сладко и спросонок улыбается. Видит — стоит над ним дедушка.

— Ну, Михаил, — говорит дедушка, — Волгу-матушку встречать выходи, в гости к тебе пришла.

А Миша поглубже в подушку зарывается.

— Ежели не веришь, — говорит дедушка, — в окно выгляни.

Миша — глядь в окно, а Волга и в самом-то деле у калитки плещется.

Протёр Миша кулаком глаза: ну, так и есть, сама Волга в гости заявила. Поднялась она вверх по круто-берегу, сделалась шире и многоводней, словно море, под ветром морщится, волнами играет.

Приступил Миша к дедушке своему с просьбой: дескать, расскажи, отчего это Волга в гости пришла.

Расправил дед бороду, покашлял в кулак и говорит внуку:

— Не сама Волга в гости идти надумала, а людской приказ исполняет.

— Как так, дедушка, приказ исполняет?

— Очень даже просто, — говорит дедушка. — Под Куйбышевом советские люди плотину возвели и под Сталинградом путь воде преградили, Волгу с Доном соединили. С чем тебя и поздравляю, Михаил — пяти морей волжанин!

— Как так пяти морей волжанин? — удивляется Миша.

— А вот так! Плывёшь, значит, вверх по Волге — загадывай куда: хочешь — в Балтийское море, а неуютно — так в Белое... Плывёшь, значит, вниз — правь, куда сердце велит: либо в Каспийское, либо в Азовское море, а оттуда — прямо в Чёрное. Вот и выходит: пяти морей волжанин!

Миша что-то про себя шепчет, а дедушка продолжает:

Гляди, Михаил: струйка, словно лещ под луной, сверкнула. Это — самого Белого моря вода! А вон та, темнозелёная, с Чёрного. А та, которая погульливей, — балтийская. Вот и плавай, куда душа желает, только не зевай: ночь ото дня отличай!

— А разве это трудно, дедушка, ночь ото дня отличить?

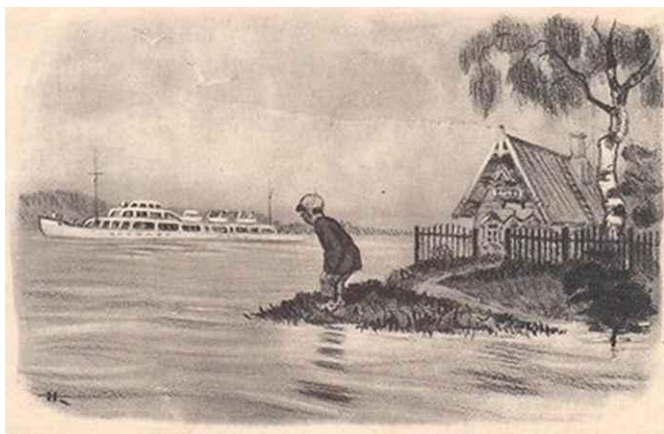
— На Волге нынче такое делается... — говорит дедушка: — плывёшь, значит, а навстречу тебе земные солнца.

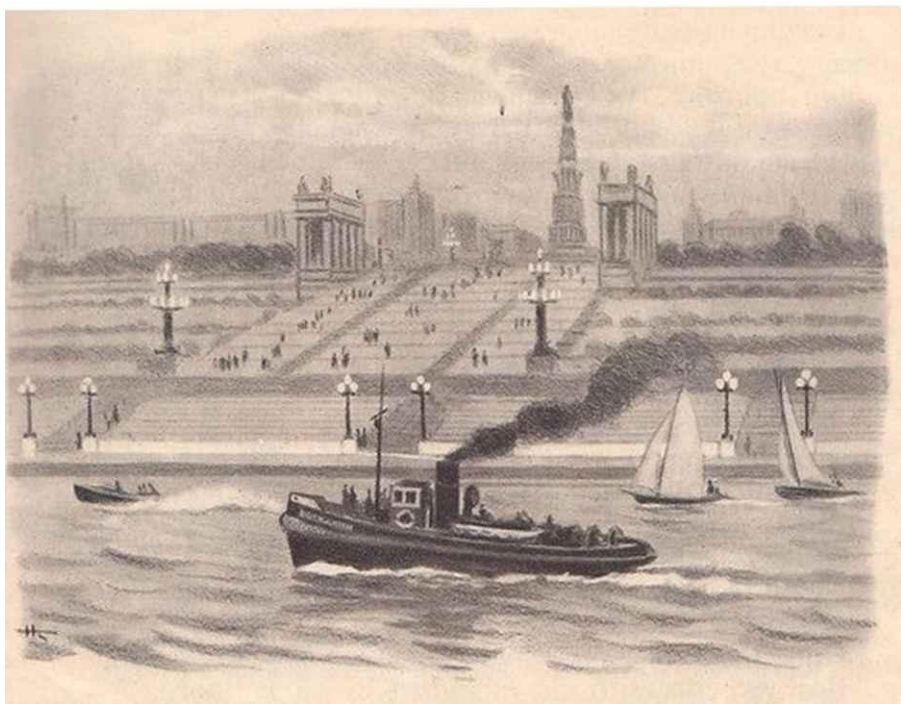
— Солнца?! — восклицает Миша.

— По-моему, стало быть, земные, а по-твоему — гидростанции. Светят они, гидростанции, словно солнце, лучами своими мир заливают...

Спрыгнул Миша с постели на пол, живо в брюки влез, голову на ходу в рубашку просунул и к калитке своей что есть мочи побежал. Шагнул за калитку — прямо у ног вода. Присел на корточки, пальцы опустил в воду и загляделся на неё.

Долго сидел у воды Миша Панов, отрадинский мальчонка, а мысли его к пяти морям летели. Летели они, как птицы, и уносили с собою Мишу. Они несли Мишу через молодые леса, через зелёные степи, проносили его над великими волжскими сооружениями, которые дедушка недаром назвал земными солнцами...

БЕССМЕРТНЫЙ „ВОЛЖАНИН“

Если вам посчастливится побывать в Сталинграде, не забудьте заглянуть в речной порт.

Я говорю: „Не забудьте заглянуть“, —однако я уверен, что вы не только заглянете туда, но и внимательно присмотритесь к тому, что там делается.

В порту вы увидите большие колёсные пароходы и новые, сверкающие медью и свежей краской, теплоходы; увидите самоходные баржи и просто баржи, которых тащат на длинных канатах маленькие буксиры. И я бы очень хотел, чтобы вы пригляделись к скромному буксирному катеру, на котором написано одно слово: „Волжанин“.

Буксир смешно пыхтит, пенит винтами воду, разворачивается на широкой Волге, подплывает к пристани.

Он постоит тут, у пристани, погудит и снова заработает винтами. И поплывёт буксир далеко, к тому берегу, где ждут его баржи. И вскоре он медленно пойдёт вверх по реке, а за ним потянутся баржи. Будет плыть буксир тяжело, но верно, — крохотный такой, настойчивый и, я бы даже сказал, очень сильный.

А люди — бывалые волжские речники — непременно скажут:

— „Волжанин“ пошёл,

И ещё добавят:

— Тот самый, бессмертный.

А если вы спросите их: „Почему же он бессмертный?“ — услышите рассказ о знаменитом волжском буксире...

В 1942 году завязалась на Волге великая битва. Задумали фашисты завладеть знаменитым городом — Сталинградом.

Несметное вражье войско двинулось на Сталинград.

Словно тучи, налетели самолёты.

Поползли на город стальные чудовища танки.

Вот уж совсем было подошли враги к Волге.

Советские войска держались на небольшой земле. Перед ними был свирепый враг, а за спиной — Волга. Ну, а за Волгой — свои.

Это значило: снаряды переправляй через Волгу, людей переправляй через Волгу, хлеб доставляй через Волгу! Согласитесь: без волжских переправ нашим войскам в Сталинграде было бы очень трудно.

Враг учитывал всё это и днём и ночью жестоко обстреливал из пушек и бомбил с самолётов все до единой переправы.

Представьте себе: идёт ливень, но вместо водяных капель падают снаряды.

Представьте себе: обрушивается огненный град.

Что делать? Укрываться? А как же быть тогда с нашими солдатами в Сталинграде, которые ждут из-за Волги боевых припасов и хлеба?

Вот тут-то и показали себя волжские речники, среди которых был и экипаж буксира "Волжанин".

В один из боевых дней нёс вахту капитан буксира Иван Тимофеевич Шахов. Сощуриив глаза, он глядел на противоположный берег, где его ждали советские солдаты. А водный путь весь кипел, словно котёл на огне. В воду всё время падали вражеские снаряды, грозя уничтожить всё живое.

— Отдать концы! — скомандовал Иван Тимофеевич.

Это был человек лет сорока, высокий такой и плечистый. А лицо у него было загорелое, огрубевшее на ветру.

Матросы отдали концы, буксир отчалил. Слева и справа от него — водяные фонтаны. Волны вздымались к небу и обрушивались на буксир. Осенняя вода студёная — и люди на буксире коченели.

— Полный вперёд! — скомандовал капитан.

Фашисты били из пушек по дерзкому буксиру, били в него справа, били слева, били в корму и в нос...

— Пуля храброго боится, — говорил капитан, — и снаряды тоже боятся храброго.

Вот один из снарядов попал в корму. Раздался взрыв, полетели в воздух обломки дерева, куски железа... На „Волжанине" начался пожар.

— Тушить пожар! — раздался голос капитана. — Полный вперёд!

Матросы бросились исполнять приказ. А кругом всё кипело — снаряды рвались и справа, и слева, и около кормы, и недалеко от носа...

Иван Тимофеевич думал о том, чтобы поскорее доставить ценный груз. Он говорил:

— Только вперёд!

И машинисты давали винтам полное число оборотов...

А враги ликовали: они видели дымящийся буксир и полагали, что судно скоро потонет. Они продолжали стрелять, и вода бурлила вокруг буксира...

Но пожар был потушен, и „Волжанин" благополучно переправил ценный груз.

На следующий день капитан получил очень важное задание: доставить нашим войскам баржу со взрывчатыми веществами.

Загрузили баржу взрывчаткой, и взял „Волжанин” на буксир речную посудину.

Иван Тимофеевич, как и всегда, был спокоен, но в сердце его росла тревога. Нынче враги обстреливали переправу особенно яростно. Волга пенилась, рычала, непрерывно разрывались снаряды. В небе кружили вражеские бомбардировщики, без конца свистели бомбы.

„Надо пробиваться через огонь и железо”, — сказал про себя Иван Тимофеевич и, как обычно, скомандовал: — Полный вперёд!

Буксир развернулся и вышел на середину реки. Его подбрасывало на грозных бурунах, он плыл меж водяных, смертоносных фонтанов.

Над буксиром, словно чёрные вороны, летали самолёты. Они проносились с рёвом, сбрасывая бомбы и паля из пушек и пулемётов. Чёрные крылья порой заслоняли солнце.

Рулевой на буксире был ранен в грудь, но он не покинул своего места за штурвалом. В машинное отделение прорвалась вода, и люди работали по колено в ледяной воде. В капитана попал осколок — у него не действовала левая рука.

А самолёты всё летали над головой и сбрасывали бомбы. Буксир находился в сплошном дыму и огне, но он не сдавался, шёл полным ходом вперёд.

Вдруг на буксире раздалась пожарная тревога.

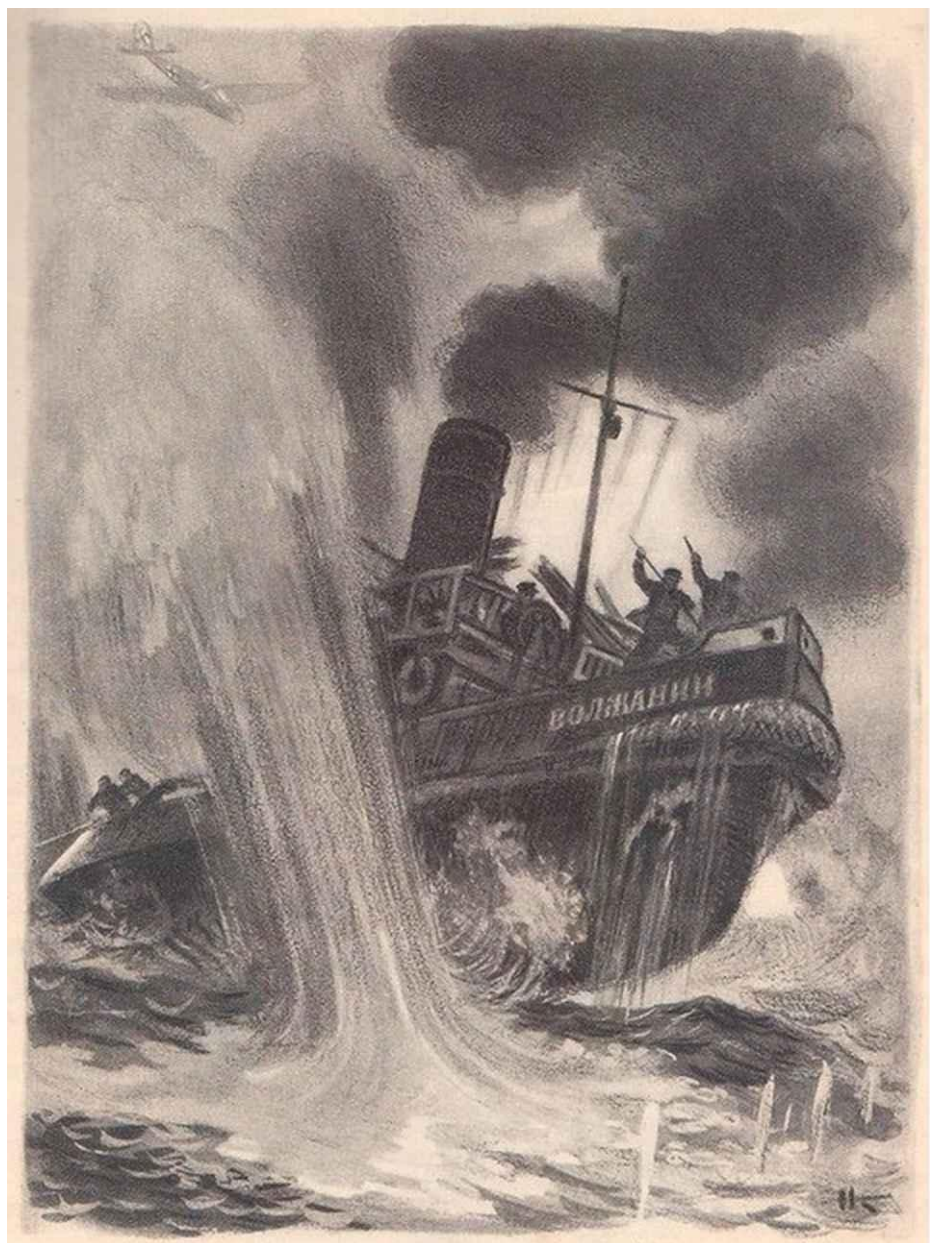
— Пожар, товарищ капитан! — доложили Ивану Тимофеевичу.

— Где?

— На барже!

От баржи валил чёрный дым и низко стелился по воде.

В любое мгновение баржа могла взлететь в воздух. Казалось, единственное спасение для экипажа буксира — рубить канаты и уходить подальше от горящей баржи, нагруженной взрывчаткой.

„Бежать — не дело, — сказал про себя капитан. — Надо спасать груз”.

И он скомандовал:

— Лево руля! Плыть к барже!

На палубу буксира кинулась вся команда, приготовили пожарную помпу. И как только буксир приблизился к барже, матросы принялись тушить пожар.

Минут через десять „Волжанин” снова плыл вперёд, плыл сквозь огонь и железо!

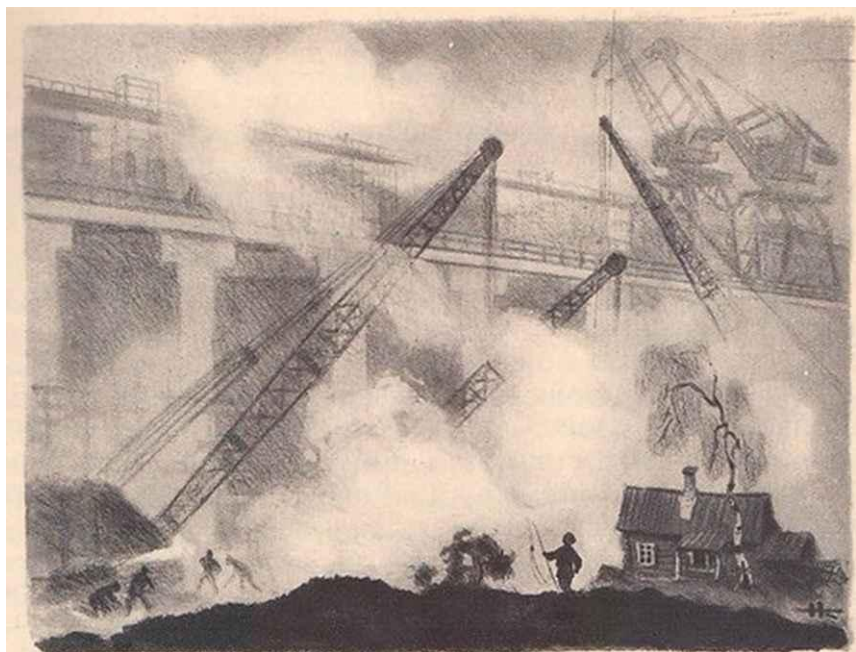
Сколько раз отважный буксир бывал на краю гибели! Он горел. Он тонул. Его уродовали снаряды. Его не щадили и бомбы. Но „Волжанин” боролся до конца, и он победил!

До сих пор плавает „Волжанин”, блестя жёлтой медью и свежей краской, точно и не бывал он в жестоких переделках. Вот почему за ним осталась кличка — „бессмертный”.

А нынче „Волжанин” — славный труженик. Тянет он баржи с лесом, нефтью, цементом для волжских строек. Работает он без усталости днём и ночью, и в холод и в жару.

Если вам посчастливится побывать в Сталинграде, непременно разыщите буксир „Волжанин” и поглядите на его капитана и матросов. Вы никогда не забудете славных волжских речников, и на всю жизнь запомнятся вам и скромный буксир, который шёл сквозь огонь и железо, и скромная команда буксира, которая завоевала своему судну право на бессмертие.

САДКО С ЖИГУЛЕЙ

Плыл я как-то вверх по реке Волге. Когда город Куйбышев оказался далеко за кормой парохода, выросли перед нами две горы. Они стояли по обоим берегам — строгие и, я бы даже сказал, немного горделивые. Называются эти горы Жигулёвскими воротами. А за „воротами", по правому берегу Волги, тоже горы. Это и есть знаменитые Жигули.

В этих самых Жигулях, недалеко от города Ставрополя, повстречал я Гришу Янина, сына бакенщика Флегонта Янина. Гриша и есть наш жигулёвский Садко.

Вам, конечно, знаком новгородский Садко. А если не знаком, то попросите рассказать кого-нибудь из старших или прочтите сами былинку о Садко. О нём говорится так:

...Проснулся Садко
В океан-море да на самом дне,
Увидел — сквозь воду печёт красное солнышко...

Жигулёвский Садко был ростом невелик и годами мал: всего пять лет от роду. Жил наш Гриша, словно Садко, на самом дне морском. И когда он глядел на маковку высокой берёзы, то думал о воде. И он говорил про себя:

„А она, вода-то, повыше берёзки заплещется“.

Подводное царство, которое окружало Гришу, было удивительное: машины, машины, машины... Таких машин, разумеется, никогда не видел сам сказочный Садко. Одна машина землю огромными ковшами захватывала и сбрасывала её в сторону, подальше от себя. Другая машина размывала землю струями воды. Третья — мешала бетон и грузила его на автомобили... Вокруг Гриши Янина работали тысячи рабочих. Одни строили плотину, путь воде преграждали, другие — возводили гидроэлектростанцию, третьи — шлюзы устраивали. А через шлюзы пойдут корабли ко всем пяти морям: на Каспий, в Чёрное и Азовское моря, на Балтику и Белое море, поплывут в Москву и Ленинград, в Астрахань и Ростов-на-Дону...

Вот какое оно было, подводное царство у Жигулёвских гор! И всё это видел Гриша Янин наяву, а не во сне...

А недалеко от Гриши, на Дубошной горе, вырастал город Портовый. Улицы, словно по линейке вычерченные, пролегали среди приволжских лесов. Вдоль улиц стояли новенькие дома: штукатурка только-только просыхала, сосновые лесенки всё ещё пахли смолой. Это был новый, молодой, но уже достаточно большой город.

На берегах Волги возводили железные мачты, а к ним подвешивали электрические провода. И уходили те мачты с проводами далеко-далеко — к Москве...

„А как же это под водой жил Гриша Янин? — спросите вы удивлённо. — И как это рабочие строили под водой?“

Верно, моря ещё не было. Но оно непременно будет. Вот и выходит, что Гриша Янин жил на дне морском и всё это происходило тоже на дне моря. А мечтал Гриша

о том времени, когда поплывёт он на лодке над теми местами, где родился и рос...

— Гришка, — говорил бакенщик своему сыну, — гляди вокруг, всё запоминай — такого ещё никто не видывал.

А Гриша спрашивал отца:

— Когда будет море, ты бакены зажигать будешь?

— А как же, смеялся Флегонт Янин, — без бакенов нельзя. Бакен пароходам — первый помощник.

— А где же жить будем? — спрашивал Гриша.

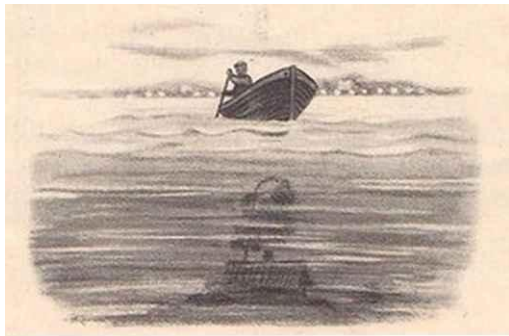
— Видишь, Дубошная гора. Там, у самого берега, будет и наш дом.

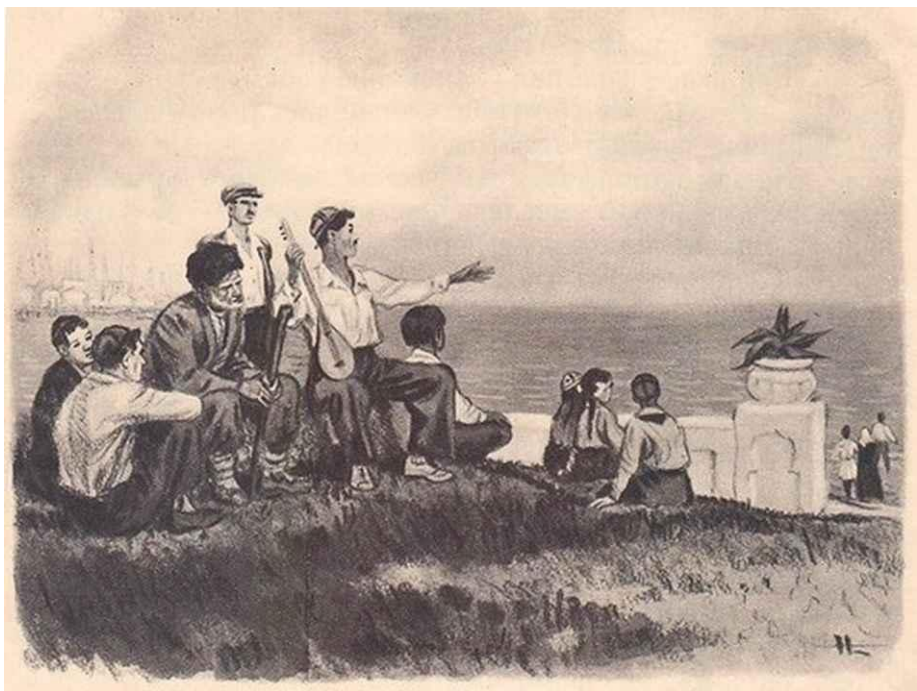
Приятно было Грише: и дом будет новый, и стоять он будет, как и старый, на самом берегу Волги...

Когда настал положенный срок — засияла огнями Куйбышевская плотина. Разлилась преграждённая Волга по широким просторам — целое море образовалось. Закрутились на Волге турбины гидростанций, пошли по Волге пароходы вверх и вниз, ко всем пяти морям — на Каспий, в Чёрное и Азовское моря, на Балтику и в Белое море...

Плыл я однажды из холодного Белого моря к Чёрному, тёплому. И снова повстречал Гришу Янина.

Наш Садко давно переехал со дна морского на берег, в Портовый город. И часто вечерами плавает Гриша по морским волнам на виду у Жигулёвских гор, когда на Волге зажигаются бакены и светит, словно солнце, великая электростанция у Могутовой горы. И плывёт тогда по волнам не сказочный, а настоящий, не выдуманный, а живой, загорелый, вихрастый Садко с Жигулей.

ГАСАН-ПОКОРИТЕЛЬ МОРЯ

Вот что рассказал мне в городе Баку старый Керим:

— Знаешь ли ты наш Баку? Его называют городом „чёрного золота“, ибо нефть обильно идёт отсюда во все концы нашей Родины... Посмотри вперёд: видишь вышки? Они стоят на берегу моря. Взгляни налево: вышки уходят к острову Артёма. Направо от тебя — тоже вышки. За спиною у тебя — вышки, вышки, вышки... Качалки качают нефть и днём и ночью, и нефть течёт из недр безостановочно. Много нефти даём, а надо бы ещё больше...

Жил у нас во дворе молодой нефтяник. Звали его Гасан. После работы брал он в руки тар, играл на нём и пел.

А былау Гасана своя любимая песня. Он её начал или заканчивал свою игру на таре. Я помню всего лишь припев. Вот он:

Если нефть тебе нужна —
Ты её добудь скорей,
С самого морского дна
Ты её добудь скорей!

Он пел эту песню, а мы с удовольствием слушали. И вот однажды задают Гасану вопрос:

„Послушай, Гасан, правда ли то, о чём в песнях поётся?"
Гасан ответил не сразу.

„Видишь ли, — сказал он, — если песня хороша, то в ней поётся только чистая правда".

Тогда его спросили:

„Значит, ты хочешь найти нефть на самом дне Каспийского моря?"

Гасан ответил:

„Я пою об этом потому, что и мечтаю о том же. Но если вы хотите знать правду, то слушайте меня: я иду добывать нефть на самом дне морском!"

Тут в разговор вмешался старик, слепой старик, которому было не меньше ста лет. Он сказал:

„Сын мой, ты произносишь дерзкие слова. Никто и слухом не слыхивал, чтобы нефть со дна морского доставали. Такое не приключалось даже с Синдбадом-мореходом, знаменитым героем из сказок „Тысяча и одна ночь".

Гасан отложил в сторону тар, тряхнул головой, и кудри, завитые в тугие кольца, будто звоном зазвенели.

„Вот что, — сказал Гасан, — я уйду с товарищами в море. Глядите вон туда, на восток. Если вы увидите вышку, стоящую на воде, как на суше, и увидите горящую красную лампу, знайте: нефть поднята со дна морского!"

„Горячий человек, — сказал столетний старец, горячий, если только он не хвастун".

Гасан взял в руки тар и ещё раз пропел:

Если нефть тебе нужна —
Ты её добудь скорей,
С самого морского дна
Ты её добудь скорей!

И ушёл со двора.

Целых два месяца мы не видели его. Как ты полага-

ешь, что делал Гасан? Он собрал своих друзей, таких же молодых нефтяников, как и сям, и вышел в море.

Когда Гасан и его друзья отплыли далеко от берега, поднялся на море шторм, какого не видывал сам Синдбад-мореход. Огромные волны, высотой с трёхэтажный дом, перекатывались через палубу. Пароход качало так, что порой казалось — не выдержит он натиска волн и пойдёт ко дну. Но Гасан и его друзья смело глядели вперёд и плыли вопреки волнам, ветру и дождю.

Наконец они достигли самого глубокого места, устроили огромный плот, закрепили его на якорях и стали возводить вышку на плоту.

„Под нами нефть, — сказал Гасан, — но до неё три ки-лометра

Гасан и его друзья спустили в море трубы, в трубы вставили длинный-предлинный бур и стали бурить скважину. Ни днём, ни ночью не знали нефтяники покоя. Нелегко им приходилось: с трудом бурили они морское каменистое дно, боролись они с ветром, с холодом. Их не пугали и ледяные дожди. А могучие волны не раз заливали их, грозя навсегда похоронить...

И вот однажды вечером слышу, как кричат дети:

„Дедушка Керим! Дедушка Керим!"

„В чём дело?" — спрашиваю.

„Горит свет! Свет загорелся далеко в море!"

Выхожу я к воротам, — а там уж весь двор в сборе.

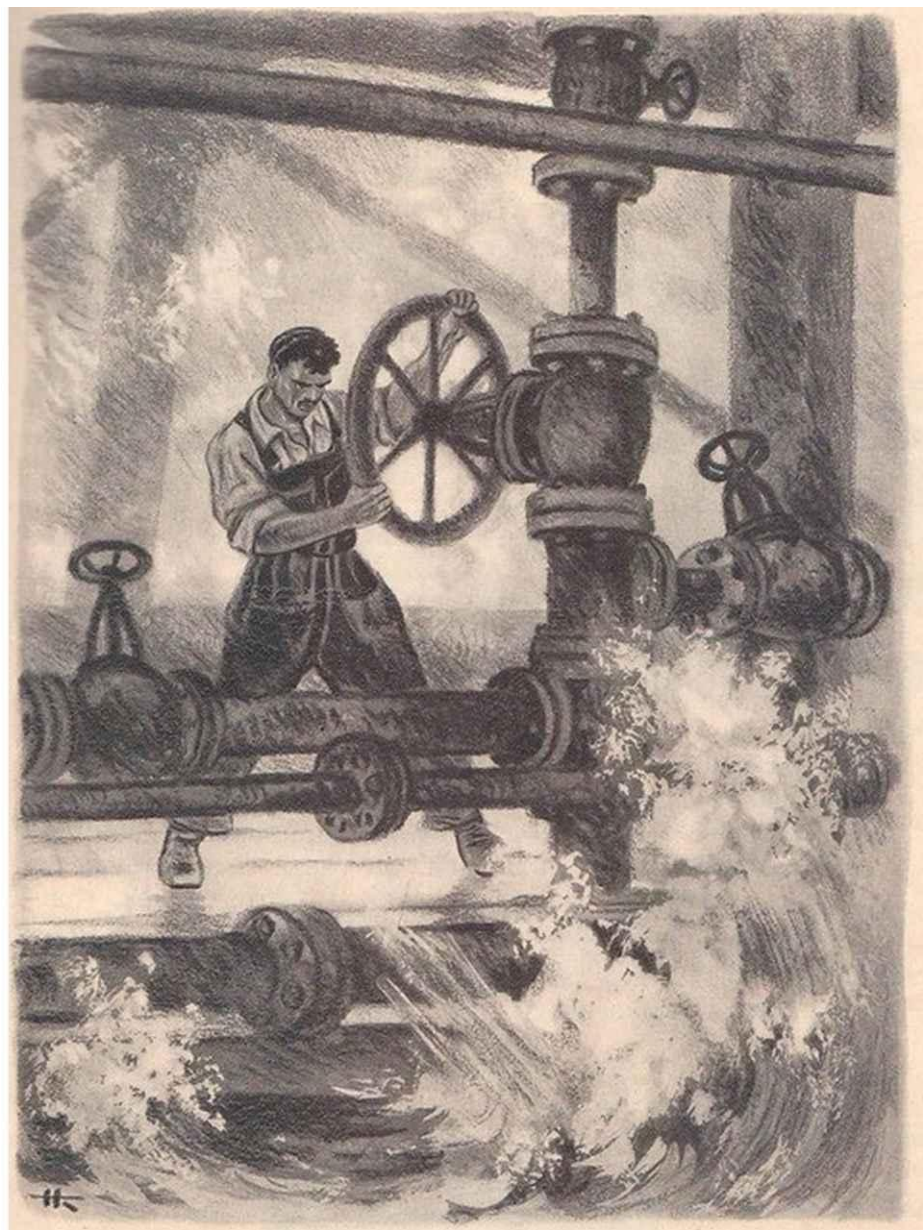
Тихий вечер стоит над городом. Луна светит вверх, и красивые, как в сказке, облака плывут на небе.

Смотрю вдаль и вижу: горит огонёк.

„Это Гасан, — говорю я. Непременно он!"

А старик-слепец спрашивает:

„Может быть, это звезда на небе?"

„Нет, это горит лампа, лампа Гасана!"

Весь город высыпал на улицы и тоже смотрел на восток, где горела лампа.

Под утро пришёл пароход. Он победно загудел, и все во дворе поняли, что хорошие вести пришли от Гасана.

„Так и так, — говорят моряки, — нашёл Гасан нефть на самом морском дне. Установил он свою вышку среди волн и ветров и качает нефть на суда",

А старик-слепец мотает головой.

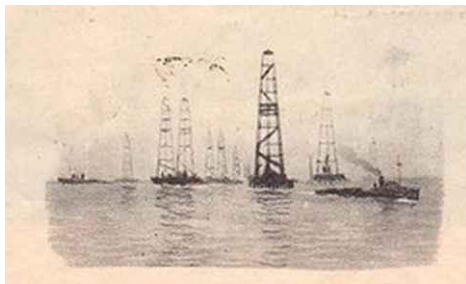
„Сто лет живу, а такого ещё не слыхивал, — говорит он. — Сам Синдбад-мореход не видал ничего подобного".

Всё исполнил, как сказал, молодой нефтяник — достал-таки нефть со дна морского!

С тех пор поднялись вышки на море, и уходят они всё дальше от берега. Вон их сколько, и не перечесть! — закончил свой рассказ Керим.

— А где же Гасан? — спрашиваю Керима.

— Гасан? Или ты не слыхал? Нынче он знатный нефтяник, на весь Баку известен. Он там, далеко... — И старик указал на море. — Он впереди всех, он бурит глубже всех и добывает „чёрное золото" и днём и ночью. Он привык к бурным каспийским волнам и буйным ветрам... Каждую ночь, когда небо над Баку совсем синее, на море зажигаются огни. Это свет на вышках. Тысячи огней горят, целое море огня! И если захочешь отыскать огонёк Гасана — гляди подальше, за горизонт. И если глаз у тебя острый, ты увидишь его: он светится ярко, как самая лучшая звезда. Бакинцы, глядя на этот огонёк, говорят: „Вон на том самом месте, где светит лампа, работает нынче Гасан — бесстрашный покоритель моря".

ГОРНАЯ СКАЗКА

В Абхазии, в этом маленьком крае, очень большие горы; вершины их достают почти до самого неба.

У подножия одной такой горы, в деревне Олений Родник, жили дедушка и внучек. Деда звали Кан, а внука — Гудал.

Дед носил длинную бороду, зимой и летом кутался в косматую бурку. Маленький Гудал любил стрелять из самодельного лука, и стрелы его порой залетали высоко в синее небо.

Всё было бы хорошо, если б в Оленьем Роднике бы-

ло чуточку теплее. Ветер дул здесь холодный; он дул так сильно, что с корнем вырывал кукурузу, которую сеют, и молодые яблони, которые сажают. Он вырывал их и уносил далеко-далеко. И жители Оленьего Родника оставались ни с чем: без кукурузы и без яблок.

Однажды Гудал спросил своего деда:

— Скажи, дедушка: почему у нас так плохо растёт кукуруза?

— Потому что дует Далан, — последовал ответ.

— А почему нет у нас своих яблок?

— Потому что дует Далан.

Крепко задумался Гудал и снова спрашивает деда:

— Скажи, дедушка: а кто же такой Далан?

Почесал дед бороду и вместо ответа спел своему внуку такую песню:

За большой-большой горой,
За пустыней ледяной
Страшный враг живёт Далан,
Он в ущелье гонит холод.
Горный лес от ветра гнётся...
По горам гремит буран...

Внимательно слушал песню маленький Гудал, но так и не понял ничего.

Тогда поведал дед своему внуку рассказ об одном храбреце.

— Это было очень давно, — начал дед. — Жил в Оленьем Роднике храбрец, имени которого никто не помнит. Пробовал тот храбрец сеять кукурузу, но Далан вырывал её с корнем. Пробовал сажать яблони, но Далан губил и яблони. И решил храбрец идти против Далана, биться с ним смертным боем. Взял он меч, надел кольчугу кованую и ушёл в горы. Шёл он три дня и три ночи и повстречал наконец Далана. Был Далан огромный преогромный, на нём бурка косматая, но не чёрная, как у всех, а белая, снежная. И бородаща белая, и усы белые. Надувает щёки Далан, дует на всех страшным холодом — и дыхание его убивает всё живое. Бросился храбрец на Далана.

Но подул Далан и вмиг обратил храбреца в ледяную глыбу. И до сих пор стоит та глыба в горах.

Жаль Гудалу храбреца, рассердился мальчик на Далану. Но что поделаешь, живёт Далан далеко в горах...

Ходит Гудал задумчивый и всё чаще поглядывает на долину. А долина тянется до самого Чёрного моря. И чего только нет в этой долине! И кукурузы вдоволь, и яблок много... Там растут и лимоны и вкусные мандарины; стройные пальмы стоят рядом с мимозой, и жаркое солнце сверкает в небе...

Жил в этой прекрасной долине мальчик, которого звали Дауд. Ему нравились и солнце и море. Это был трудолюбивый и весёлый мальчик. А вот его любимая песня:

Зрей, лимон, созревай!
Не ленись, мой дружок,
Это солнце — твоё, и тепло всё твоё...

Не ленись, мой дружок.
Гуще корни распускай,
Зрей, лимон, созревай!..

Он пел эту песню, работая в саду.

Однажды Дауд разрыхлял землю вокруг лимонного дерева и вдруг видит незнакомого мальчика.

— Кто ты? — спрашивает Дауд.

— Я Гудал, отвечает незнакомый мальчик.

А что ты умеешь делать, Гудал?

Гудал вместо ответа натянул тетиву на своём самодельном луке и запустил стрелу под небеса. А высоко вверх летал коршун, Сгрела пробила ему крыло, и хищник упал наземь.

— Молодец! — сказал Дауд.

А что умеешь ты? — спросил Гудал.

— Я умею сажать лимоны и мандарины.

— Ой! — воскликнул Гудал. — Какой же ты молодец!

И рассказал Дауду, кто он и откуда, какая деревня Олений Родник и какой страшный Далан живёт в го-

Выслушал Гудала Дауд и промолвил:

— Значит, трудно у вас, в Оленьем Роднике?

— Очень! — признался Гудал.

Не таков Дауд, чтобы его пугали трудности! И он сказал:

— Мы сломаем зубы вашему Далану!

— А у него нет зубов, — объяснил Гудал,

— Так вырвем бороду!

Очень понравился Дауд Гудалу, и они, не мешкая, дви-

нулись в горы, в деревню Олений Родник. А взял с собою Дауд вот что: немного семян лимона, немного семян мандарина, немного яблочных семян.

— Мы их посеем, — объяснил Дауд, — и они вырастут и с малолетства привыкнут к холоду. И не будет им страшен Далан.

Как только мальчики пришли в деревню, они тотчас же взрыхлили землю и посеяли семена. Глядит на них старый дед, диву даётся, недоверчиво покачивает головой и поёт старую песню о страшном Далане.

Кончились зимние месяцы. Наступила весна, стало теп-ло. Поднялись из земли нежные зелёные ростки.

Гудал и Дауд не налюбуются на свои крошечные деревца. Но вот подул Далан, налетел жестокий ветер и вырвал с корнем нежные ростки, словно их не бывало на свете.

Опечалились Гудал и Дауд: как же быть с Даланом? А дед и говорит им:

— А что это зеленеет вон там, у маленькой сосенки?

Гудал и Дауд крикнули в один голос:

— Это же лимон! Как он уцелел?

Да, это было лимонное деревце. А уцелело оно очень просто: небольшая сосенка защитила его от холодного дыхания Далана.

— Эта сосенка, — сказал дед, — сильнее того храбреца, который не смог одолеть Далана.

— Верно, — согласились лети.

И крепко полюбились им эта скромная сосенка.

— А что будет, дедушка, — сказал маленький внук, — если мы посадим много таких сосенок?

Дед подумал, подумал и сказал:

— Худо будет Далану.

Обрадовались Гудал и Дауд, захлопали они на радос-

тях в ладоши.

— Мы будем сажать сосенки вокруг Оленьего Родника, — решили мальчики.

Сказано сделано.

Взяли они кирку и лопату и пошли копать ямки для сосен. Ударил киркой Гудал — и отозвался удар в разных концах.

— Это эхо, — говорит Гудал.

И только он замахнулся снова, а уж удары посыпались один за другим, словно ещё кто-то роет землю.

— Нет, это не эхо, — говорит Дауд.

Поднялись Гудал и Дауд на скалу. И что же они видят?

Вся гора усеяна детьми, и копают они ямки. Но не все копают: одни копают, другие носят из густого леса вырытые сосенки, а третьи сажают деревья.

— Эй! — кричит Гудал. — Что вы делаете?

— Боремся против Далана! — отвечают одни.

— Далану будет конец! — говорят другие.

Вернулись Гудал и Дауд к своим ямкам.

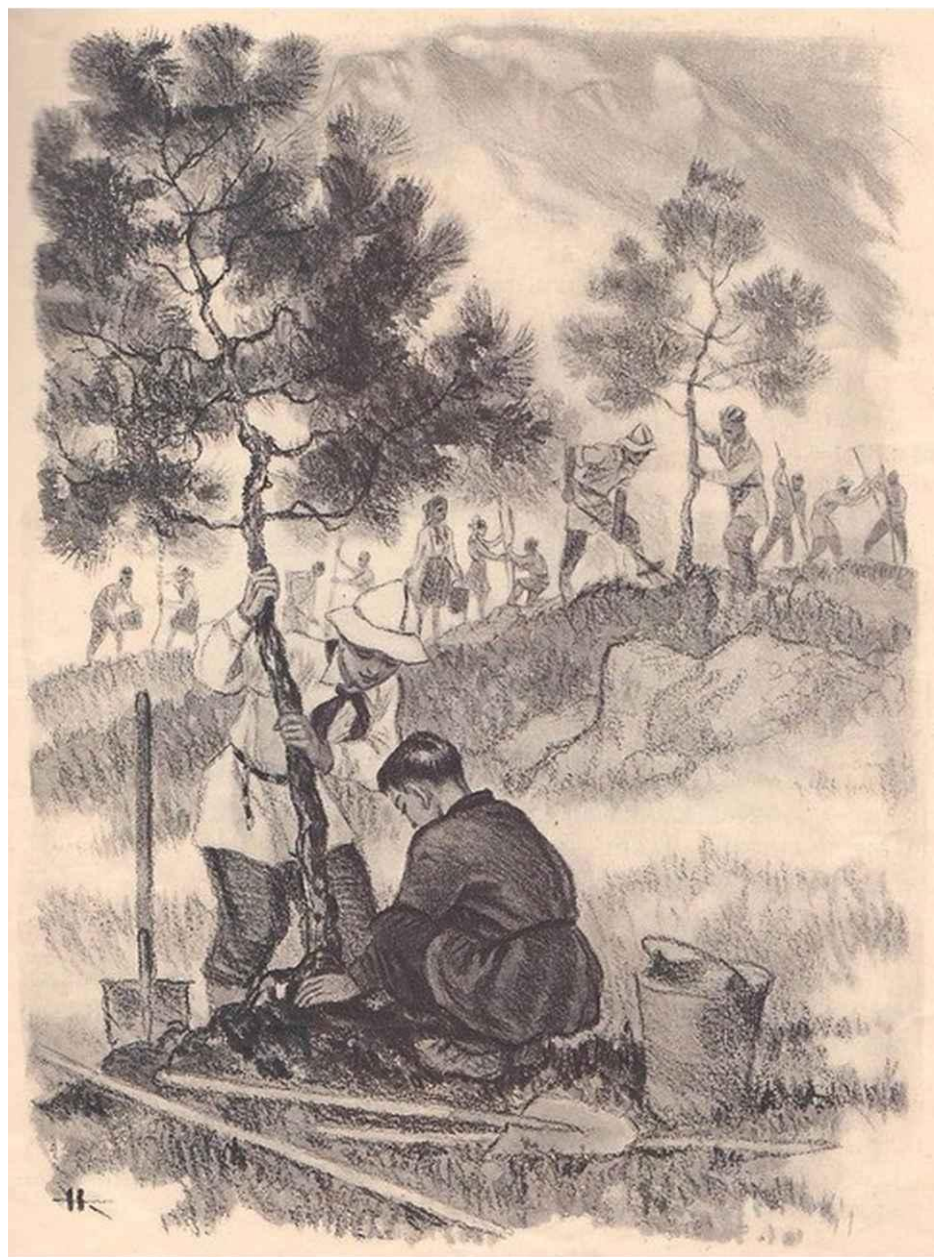
— Значит, мы не одни? — произнёс Гудал.

— Тем лучше, — говорит Дауд.

И когда снова наступила весна и снова стало тепло, не узнать было Оленьего Родника. Молодой лес окружал деревню и защищал её от холодного дыхания Далана.

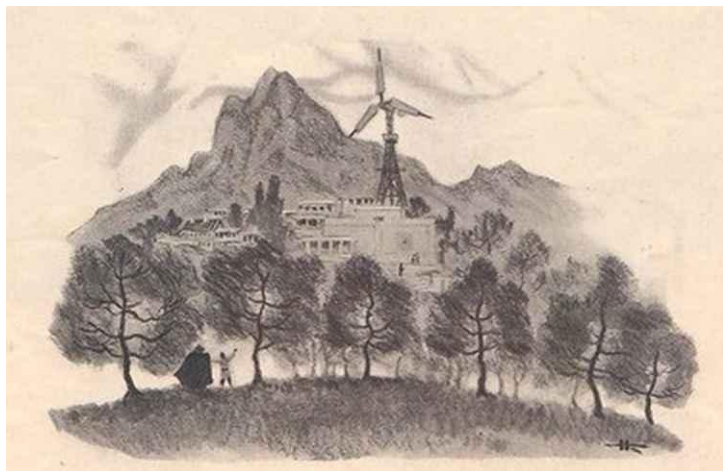
А в тепле росли лимоны, мандарины и яблони.

Гудал и Дауд любовались молодыми деревцами. А старому деду всё никак не верилось: это Олений Родник или какая-то другая, сказочная деревня?

— Как в сказке, дети мои, — говорил он, — как в сказке!
И не пел больше дед песню о страшном Далане. Нет, он сочинил новую. В ней говорилось о солнце, о весне и маленьких мальчиках — Гудале и Дауде.

Всё это случилось там, где горы высотой почти до звёзд, где счастливо живут да поживают Гудал и Дауд, да старый дед, и многие другие.

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

Поздний вечер. Идёт снег. Если чуточку приоткрыть дверь, вместе с порывами холодного ветра в переднюю ворвутся тысячи снежинок.

Маша сидит рядом с мамой. Она держит в руках шершавую мамину руку, она глядит на мамино лицо, которое стало тёмным под южным, горячим солнцем.

— А когда приедет папа? — спрашивает Маша.

— Скоро, — отвечает мама. И она говорит дочери: — Ты будешь спать?

— Нет, — говорит Маша. — Я хочу, чтобы ты рассказала мне сказку.

— Какую же тебе рассказать сказку?

— Хорошую.

— Верно, — говорит бабушка, — Расскажи ей сказку. Я пересказала все, какие только помню.

Делать нечего, придётся маме рассказывать сказку.

— Новую, — говорит девочка, — которую я не знаю.

— Ладно, — говорит мама, — только слушай внимательно.

А на дворе — вьюга, снег метёт по улицам. Стоит чуточку приоткрыть дверь — и тысячи снежинок ворвутся в переднюю, словно им тоже не терпится послушать мамину сказку...

О чём же рассказывает мама?

Далеко-далеко, за степями широкими и лесами дремучими, за реками буйными и горами высокими, лежит большая-пребольшая земля.

Бывает земля, что покрыта зеленью, словно ковром. Бывает земля в снегу и зимой и летом. Но та земля, что лежит далеко-далеко, — вся из песка. Раскинулись в том краю пески широко, точно море, и движутся песчаные холмы, словно волны морские.

В том краю солнце печёт и зимой и летом. Там жарко и пустынно, не сыскать ни рек, ни озёр...

А прежде была в том краю река — большая, многоводная. Но та река давным-давно ушла в песок. От той реки остались только крутые берега да камни вместо воды и одно лишь название.

Стало мертво в том краю. Люди бежали оттуда, и только изредка по горячим пескам медленно двигались караваны верблюдов.

Так было тысячу лет и ещё тысячу, а может быть, и больше.

Стали люди думать и гадать: отчего и как всё это произошло? Отчего и как зелёная земля стала пустыней, а голубая река — каменной рекой?

„Долго ли быть реке каменной? — думали люди. — Настанет ли время, когда голубые воды снова зальют высокие берега?“

Думали люди, гадали люди, но всё напрасно...

Так продолжалось тысячу лет и ещё тысячу, а может быть, и больше.

Но вот однажды на весь мир прогрехотал пушечный выстрел. Он грянул словно гром — самый могучий гром. Пушка была обыкновенная, но выстрел её был необычайный: его слышали во всей Европе, слышали индейцы в Америке, китайцы в Китае, индусы в Индии, негры в Африке, слышали и белые, и чёрные, и жёлтые люди. И все люди мира сказали в один голос:

— Наступает новое время!

И верно, пришло новое время, явились новые люди. Это были смелые и бесстрашные, честные и добрые, свободные и гордые люди. Эти люди сказали так:

— Мы построим новый, прекрасный мир! Мы покорим природу и сделаем её своей помощницей во всех делах!

А в том самом краю, где исчезли реки и озёра, где лежали одни зыбучие пески, жил старый царь пустыни. Он жил в пещере, вырытой на берегу высохшей реки. Он был костлявый, высокий, желтый, как сера. И старик, прослышав о новых людях, воскликнул:

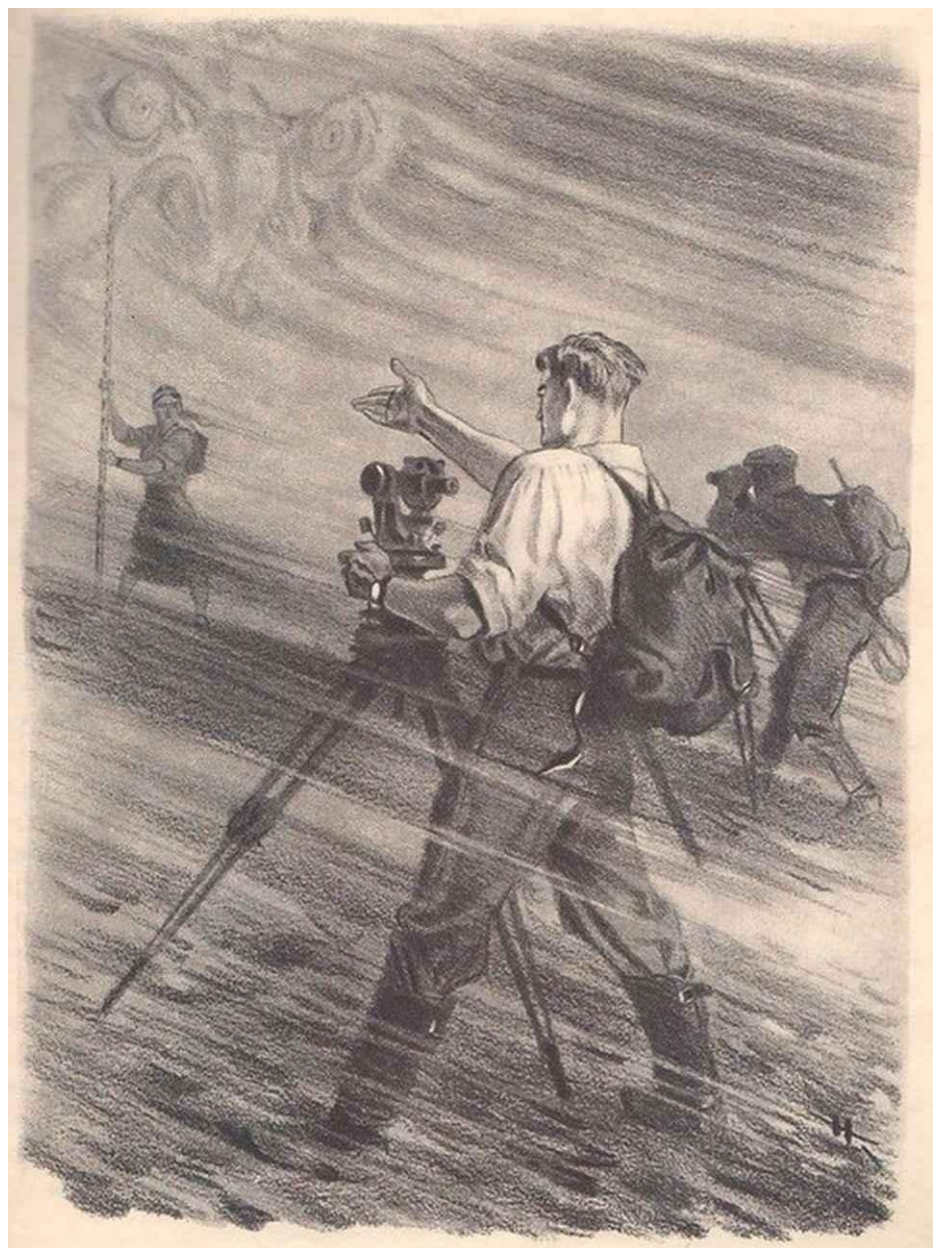
— Я — царь пустыни, царь всех песчинок и высохших русел! Я — всемогущ. По одному слову моему подни-маются песчаные бури, по велению моему пески насту-пают и убивают всё живое. И нет силы, которая поко-рила бы моё безводное царство!

Однако новые люди были не из трусливых. Они не испугались царя пустыни, не отступили новые люди перед песчаными бурями, перед безводьем и жгучим солнцем. Нет, они решили покорить и безводную пустыню!..

И вот однажды царя пустыни разбудил какой-то шум. Выходит царь из пещеры и видит: идёт караван — не караван верблюдов, а караван автомобилей. Идут по пескам машины одна за другою, а на машинах — люди.

Царь пустыни приказал дуть ветрам.

И подули ветры, горячие, как огонь. Целый день неистовствовали они, поднимая тучи песка.

Когда утихли ветры, увидел царь пустыни, что и машины целы и люди невредимы.

Удивился царь пустыни и от злобы заплакал песчаными слезами. И приказал он снова дуть ветрам, дуть со всех четырёх сторон. Он приказал им дуть так сильно, чтобы сожгли они всё живое, чтобы подняли они в воздух все пески пустыни и схоронили под ними и людей и машины.

Три дня и три ночи дули послушные ветры. Пески взметались к небу и падали вниз, чтобы похоронить под собой и машины и людей...

Наступило утро четвёртого дня. Выполз царь из пещеры и весь затрясся от бессильной злобы: машины были целы, а люди живы и невредимы. Люди весело перекликались, чихали и собирались дальше в путь.

Не выдержал тут царь, зарыдал он, из глаз вместо слёз посыпались песчинки. И зарылся он ещё глубже в пещеру, чтобы придумать новые козни против людей и машин...

А люди всё двигались вперёд. Их не пугала пустыня. Их не страшили ветры и зыбучие пески, безводье и жгучее солнце. Они наносили на карту старое, высохшее русло реки. К ним летали самолёты и привозили им пищу, одежду, книги.

А царь пустыни, придумав новые козни, приказывал дуть ветрам, менял их направление, сталкивал их меж собою, и тогда песчаные смерчи поднимались до самого неба.

Но когда утихали ветры, всё шло по-прежнему: люди смеялись, смешно чихали и работали. И снова царь забивался в свою нору, плакал песчаными слезами и придумывал новые козни...

Долго трудились люди среди песков, среди бурь песчаных, под жгучим солнцем пустыни. И вот настал долгожданный день: русло высохшей реки соединили они с большой, многоводной рекой, и стала в пустыню прибывать вода. Это произошло в тёплое осеннее утро. Чистая вода побежала вперёд. Она несла с собой прохладу, жизнь пустыне и смерть старому царю...

В то утро царь пустыни спал в своей пещере. Когда в русле реки поднялась вода, она затопила пещеру, и царь начал захлёбываться. Все видели, как он пускал пузыри, мутил воду тощими руками и, наконец, пошёл ко дну...

Побежала по пустыне голубая вода, разлилась она по ровным каналам и на юг и на север. Поплыли по реке теплоходы. Угломонились зыбучие пески. Выросли в пустыне — теперь уже в бывшей пустыне — деревья, зазеленели рощи, а в рощах запели соловьи...

Вот какую сказку рассказала мама.

Она спросила Машу:

— Понравилась?

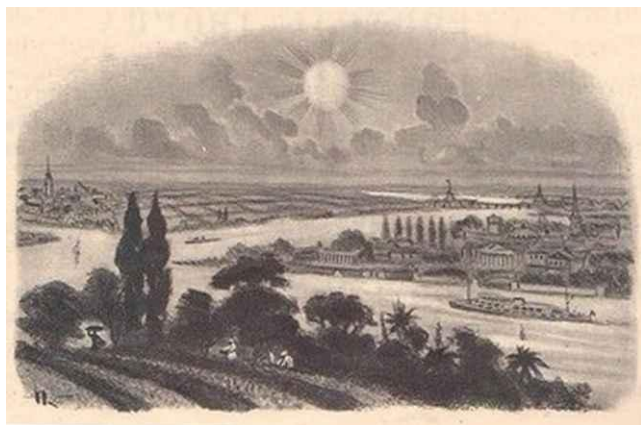
Маша сказала:

— Интересная сказка, — и хитро улыбнулась.

Она знала, что это не сказка, что в той пустыне работает папа, а вместе с ним ещё много смелых людей.

...Поздний вечер. Идёт снег. Если чуточку приоткрыть дверь — вместе с порывами холодного ветра в переднюю ворвутся тысячи снежинок.

Но Маша Петрова думает не о снежинках. Она мысленно там, далеко, на жарком юге, где вода приходит в пустыню, где земля из жёлтой становится зелёной, где её папа и куда снова поедет работать мама.

СТРОИТЕЛЬ ДВОРЦА

Вы, должно быть, немало слышали рассказов о нашей столице Москве. Как известно, Москва расположена на семи холмах. Самые высокие из московских холмов — Ленинские горы. Они находятся на окраине города...

Жил-был на Ленинских горах мальчик, которого звали Юра Добриков. Домик его стоял недалеко от Воробьевского шоссе, за которым тянулись пустыри. На пустырях было полное раздолье. Юра с друзьями знали тут каждый овражек, каждую тропиночку.

Однажды Юра недалеко от шоссе встретил человека.

Человек был ростом невысок, с бледным лицом и носил очки в тонкой металлической оправе. Ходил он, задумчиво заложив руки за спину, и, казалось, искал что-то, а найти так и не мог...

— Дядя, — сказал учтиво Юра, — вы потеряли что-нибудь?

Человек в очках остановился, смешно пошмыгал носом и проговорил:

— Нет, молодой человек. А что?

Юра покраснел. Ещё бы! Было ему всего десять лет, учился он в третьем классе — и вдруг такое: молодой человек! Сами понимаете, это было очень для него лестно.

— А я хотел помочь вам поискать, — сказал Юра.

— Спасибо, молодой человек, спасибо. Я уже нашёл, что искал.

— А что вы искали? — спросил, не выдержав, Юра.

— Место для дворца, сказал человек в очках.

— Для дворца?! — воскликнул Юра.

И человек заговорил, словно с самим собою:

— Здесь вырастет дворец. Он будет высоким-высоким, упрётся шпилем в самое небо. Во дворце будут тысячи мраморных комнат. Он вырастет среди садов, он раскинется широко, словно город. А вокруг появятся горы с настоящей горной растительностью, разольются пруды, в которых будут плавать диковинные рыбы... А во дворце будут жить и учиться студенты — тысячи студентов! Будут жить и работать во дворце тысячи профессоров и аспирантов... На всю страну будет сиять кованая звезда, которая поднимется над куполом выше туч... Такого здания не было и нет в целом свете! —

Человек посмотрел на Юру, улыбнулся и сказал: — Вот как, молодой человек!

— А когда всё это будет? — спросил Юра.

Когда? Человек в очках подумал и решительно заявил: — Ровно через три года. Три года — и ни одного дня больше!

— Это как в сказке, — проговорил Юра.

— Не верите? — спросил человек в очках и продолжал: — Вот что, молодой человек: я бы хотел увидаться с вами ровно через три года. Моя фамилия Бодров.

Юра не понимал, откуда у этого человека такая уверенность и почему это ровно три года — и ни одного дня больше!

...Всю ночь ворочался Юра в постели, уснул только под утро. А проснулся он от шума и грохота: это на той стороне шоссе работали автомобили-самосвалы, экскаваторы, подъёмные краны, бетономешалки, дорожные катки и многие другие машины.

Подивился Юра на всё это и пошёл себе в школу.

С этого самого утра всё изменилось на Ленинских горах. Явились землекопы, каменщики, плотники, садоводы, дорожники, инженеры и техники. Закипела на пустырях работа. И что ни день — то новое: там, где был огромный бугор, стало ровно, и там, где был овражек, тоже ровно. Где было голо деревья, где грязно — асфальтированная дорога.

И вскоре увидел Юра, как стальной каркас огромного-преогромного здания поднимается всё выше и выше. Он словно из-под земли вырастал, этот стальной каркас, а следом за ним росли белые стены, росли ежедневно, ежечасно. И через несколько месяцев мальчику уже приходилось задирать голову, чтобы на самый верхний этаж поглядеть.

...Прошёл год, ещё один и ещё один. Юра уже учился в шестом классе. Теперь-то он, пожалуй, был настоящим молодым человеком.

Как всё изменилось на Ленинских горах! Там возвышалось огромное-преогромное белокаменное здание, окружённое тоже белокаменными домами. А в небе, на высоте четверти километра над землёй, сверкала звезда, выкованная из нержавеющей стали. На башнях здания работали часы такие большие, что каждая стрелка была тяжелее самого тяжёлого человека.

Юра подсчитал в уме, и оказалось, что прошло ровно

три года без трёх дней с того времени, когда повстречал он человека в очках, товарища Бодрова. И решил Юра пойти на строительство.

Юра нашёл Бодрова в мраморном вестибюле. Бодров рассматривал чертежи.

— Я к вам, сказал Юра.

Бодров внимательно посмотрел на Юру:

— Я слушаю вас.

— Помните... — начал Юра. — Вы сказали, чтобы я пришёл к вам ровно через три года.

Бодров рассмеялся.

Как же, хорошо помню, — сказал он. — Ну, как, молодой человек, находите наше здание?

— Целый город... — сказал смущённый Юра.

— А что я вам говорил!

Юра ещё больше смутился.

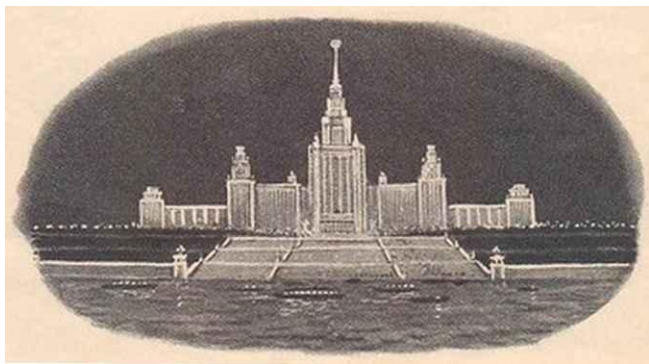
— Но как это вы точно угадали: три года — и ни одного дня больше?

— Я ничего не угадывал.

— А как же всё получилось?

— Видите ли, молодой человек, — сказал строитель, — соорудить этот величайший дворец-университет предложил сам товарищ Сталин. Как задумано, так и сделано.

Юре всё стало ясно. Разумеется, так и должно было быть: как Сталин скажет, так и будет!

Цена 2 р. 05 к.

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор Л. Гульбинская. Художественный редактор С. Алянский.
Технический редактор Т. Добровольцова. Корректоры Б. Третьяченко и
А. Ясневская.

Сдано в набор 27/IX 1952 г. Подписано к печати 15/I 1953 г. Формат 60 × 92 $\frac{1}{2}$ — 3,25 бум. —
— 6,5 п. л. (5,35 уч.-изд. л.). Тираж 30 000 экз. А00427. Заказ № 1200.
Номинант — по прейскуранту 1952 года.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Сушарский вал, 49.